

Новые формы и методы дипломатии

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-4-11-20>

*Интервью с Романом Райнхардтом,
доцентом кафедры дипломатии МГИМО МИД России*

АННОТАЦИЯ

Р.О. Райнхардт – доцент кафедры дипломатии МГИМО МИД России, специалист в области истории и теории дипломатии, руководитель и исполнитель ряда крупных проектов, посвященных дипломатической проблематике и поддержанных ведущими российскими научными фондами (РНФ, РФФИ). Его основные научные интересы охватывают такие темы, как экономическая дипломатия, научная дипломатия, международное научно-техническое сотрудничество в контексте российской внешней политики, а также внешних связей ЕС.

Окончил МГИМО МИД России. В 2016 г. получил ученую степень кандидата экономических наук.

*Беседу вел С.М. Маркедонов,
главный редактор журнала «Международная аналитика»*

Сергей Маркедонов: В настоящее время наблюдается рост многообразия различных форм и видов дипломатии. В специализированной литературе, не говоря уже о СМИ, можно встретить такие словосочетания как «научная дипломатия», «климатическая дипломатия», «цифровая дипломатия» и другие. Какие из данных понятий, с Вашей точки зрения, действительно имеют право на жизнь, а какие предстают, скорее, конструктами, которые едва ли пройдут проверку временем?

Роман Райнхардт: Как Вы совершенно верно отметили, со сравнительно недавних пор возникла мода на использование слова «дипломатия» в качестве своего рода «приставки» ко многим направлениями деятельности, где фактически или потенциально имеет место международное сотрудничество¹. Отсюда не только те виды дипломатии, которые Вы перечислили, но также и «нефтяная», «долларовая», «спортивная» – вплоть до «дипломатии знаменитостей» (*celebrity diplomacy*)². Иными словами, наблюдается некоторая «инфляция» этого изначально предельно узкого термина. В русле нарастающего перехода внешнеполитического нарратива в цифровую плоскость дипломатия становится, в известной

1 Райнхардт, Р.О. Настольная книга исследователя дипломатии // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61 (4). – С.119–122.

2 Cooper, Andrew F. *Celebrity Diplomacy*. 1st Edition. London: Routledge, 2007.

степени, хештегом, позволяющим различным деятелям набирать популярность путем аккумуляции лайков и репостов под лозунгом #ядипломат. При этом их отношение к дипломатии в классической трактовке может зачастую быть весьма опосредованным.

Если же рассматривать вопрос в историко-теоретическом ключе, то дипломатия – это, прежде всего, инструмент. Первые упоминания о дипломатии

Дипломатию
однозначно
можно отнести
к самым древним
и долговечным
формам
общественной
и политической
деятельности.

встречаются в древнейших образцах письменности: это и исторические памятники ранних цивилизаций, и литературные произведения (начиная, скажем, с «Истории Пелопонесской войны»), и дошедшие до нас религиозные источники, которые до сих пор не теряют своей актуальности. При этом методы дипломатии, описанные в те времена, несмотря на диктуемые процессом социального развития объективные метаморфозы, имеют свойство воплощать в себе некоторые константы.

Например, эпизоды, трактуемые современными российскими и зарубежными исследователями в ключе так называемой дипломатии принуждения¹, описаны, в частности, в Пятикнижии Моисея. Упоминание, пусть и без глубокого анализа, торговых санкций, иногда относимых к арсеналу экономической дипломатии, присутствует на страницах названного труда Фукидида². Институт проксенов, распространенный в Древней Греции, – прямой исторический предок нынешних почетных консулов. Все это частные примеры. В общем же плане допустимо говорить о том, что дипломатия как функциональное выражение внешней политики есть, по существу, реакция вневременного института на текущие события на международной арене.

С моей точки зрения, наиболее корректно было бы говорить не о «научной дипломатии», а об использовании дипломатических методов в международном научно-техническом сотрудничестве и так далее. Подобный подход может показаться педантичным, однако думается, что его применение в методологическом плане поможет избежать преумножения двусмысленностей. Согласитесь, что их пестрота иногда лишь запутывает исследователей – от экспертов до новичков – и рядовых читателей. Анализ предметного поля и его отдельных разделов показывает, что придать ему контуры с помощью «бритвы Оккама» было бы нелишним. Более того, с ростом числа работ по соответствующей тематике данная необходимость предстает все более острой для дальнейшего успешного развития теории.

С.М.: То есть, по Вашему мнению, уместнее говорить о дипломатии как о чем-то едином и универсальном, что по природе своей может применяться в любых сферах и, следовательно, не должно привязываться к ним. Например, дипломатия в области климатического, экономического сотрудничества и прочее.

Р.Р.: Совершенно верно. На основе глубокого изучения современной специализированной литературы можно сказать, что в последнее время многие ис-

1 Зонova, Т.В. Дипломатия принуждения. Казус Ливии // Международные процессы. – 2017. – Т.15 (1). – С.35–48.

2 Okano-Heijmans, Maaike. "Conceptualizing Economic Diplomacy: The Crossroads of International Relations, Economics, IPE and Diplomatic Studies." In *Economic Diplomacy: Economic and Political Perspectives*, 2011. doi:10.1163/9789004209619_003.

следователи чересчур увлеклись анализом отдельных проявлений и форм международного сотрудничества. А вот синтеза, который бы позволил «увидеть лес за деревьями», пока что, как представляется, не хватает. Важно понимать, что дипломатия – будь то онлайн или офлайн, по классическим или новым трекам переговоров – все-таки едина. Более того, полагаю, что, рассуждая о ней, следует быть весьма аккуратным и осторожным в терминах и формулировках.

Помню, когда готовил свою кандидатскую диссертацию по экономической дипломатии, первый, при этом весьма объемный параграф, пришлось посвятить анализу различных трактовок этого понятия¹. И отечественные, и зарубежные работы, которые продолжают писаться сейчас, как правило, начинаются с определения экономической дипломатии как достижения экономических целей политическими средствами или наоборот. Либо же вовсе нечто иное. По сути, это напоминает схоластический и иногда, доходя до крайности, чуть ли не богословский спор: значение экономической дипломатии по Ги Каррон де ла Каррьеру², В. Щетинину³, Д. Дегтереву⁴, Р. Райнхардту⁵ и т. д. Отталкиваясь же от того, что мы просто говорим о дипломатии во внешне-экономических связях, можно сразу избежать подобных квази-теоретических диспутов. Более того, такой подход сразу позволит включить множественные труды, посвященные обозначенной проблематике, в которых, однако, сам названный термин не фигурирует. Другими словами, вопрос во многом касается тегирования и работы с метаданными.

Для простоты
коммуникации
внутри экспертного
сообщества
использование
отдельных
«дипломатий», как
то: экономической,
научной,
климатической и т. п.,
вполне уместно.

Некоторые словосочетания уже прочно устоялись, другие, наоборот, – постепенно выходят из употребления. Что станет с третьими – покажет время. Вместе с тем стоит, по-моему, всегда держать в уме, что по смыслу речь здесь идет не об эпитетах дипломатии, но о ней как инструментарию внутри соответствующих сфер. Иначе говоря, не дипломатия принципиально различается в зависимости от точки ее приложения, но сами точки приложения имеют ту или иную специфику.

С.М.: А как же быть с «челночной дипломатией» Г. Киссинджера, упомянутой Вами «дипломатией принуждения» и, наконец, пресловутой «цифровой»? И к чему в таком случае сводится общий знаменатель всех перечисленных видов дипломатической активности – как было принято говорить раньше, к ее мирной и миротворческой природе в качестве антипода военной агрессии?

Р.Р.: Что касается первой части вопроса, то при попытке ответа на него есть риск погрязнуть в сугубо научной полемике с рассмотрением частных и заведо-

1 Райнхардт, Р.О. Сравнительный анализ систем экономической дипломатии в странах Европейского союза: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Московский государственный институт международных отношений (университет). – Москва, 2016. – 30 с.

2 Каррон де ла Каррьер, Ги. Экономическая дипломатия. Дипломат и рынок. Перевод О.И. Пичугина. – М.: РОССПЭН, 2003. – 294 с.

3 Щетинин, В.Д. Экономическая дипломатия: Учебное пособие. – М.: Международные отношения, 2001. – 280 с.

4 Дегтерев, Д.А. Экономическая дипломатия: экономика, политика, право. – М.: NAVONA, 2010. – 174 с.

5 Райнхардт, Р.О. Развитие теории экономической дипломатии в России 2000–2018 гг.: наукометрический и институциональный анализ // Научный диалог. – 2019. – №2. – С.283–295.

мо субъективных видений таких феноменов. Чтобы избежать этого, предлагаю относиться к перечисленным, равно как и другим схожим представлениям о дипломатии, которые можно встретить, не более чем как к журналистским клише. Широкой аудитории просто о дипломатии читать скучно. А вот какая-нибудь «дипломатия-катализатор»¹ или «твипломатия»² сразу вызывают интерес – что же это за новое слово и дело. Можно к этому относиться как угодно, но, как представляется, определенная доля скепсиса и критического восприятия не помешают. Впрочем, это лишь методологическое предостережение, носящее во многом проблемно-постановочный характер.

Относительно второй части вопроса – вновь соглашусь с Вами, однако с оговоркой о том, что в современной турбулентной среде становится все сложнее судить категорично, если подразделять все средства государственной внешней политики только на военные и на дипломатические. Именно по этому пути шел Г. Гроций и целый ряд других мыслителей. Мир в значении *реальность*, (здесь обращаю ваше внимание на омонимичность и многозначность нашего языка, ибо в дореволюционной орфографии в этом значении слово было принято писать через «і десятиричное»: *миръ*) безусловно, представляет собой не дихотомию

черного и белого и даже не «оттенки серого», но целую палитру красок разной интенсивности. Те же экономические санкции можно рассматривать и как попытку цивилизованного разрешения имеющихся противоречий между государствами (не стреляют же!), и как форму гибридной войны.

Уже в 2009 г. на доктринальном уровне был обозначен переход от «мягкой силы» к «умной силе», не просто допускающей, но напрямую стимулирующей дипломатов к проведению информационных атак, направленных на дестабилизацию политических систем неугодных режимов.

При этом некоторыми акторами международных отношений сама категория миротворчества воспринимается в абстрактном, зачастую искаженном или, во всяком случае, субъективном ключе. Так, при взаимодействии с отдельными партнерами все чаще приходится сталкиваться с оригинальными интерпретациями дипломатической активности, равно как и этики. Яркий тому пример – концепция «трансформационной дипломатии», впервые представленная в 2006 г. К. Райс, занимавшей в то время должность госсекретаря США. Продвижение демократических ценностей (причем именно так, как их видят сами американцы) любыми средствами, не исключаяющее вмешательство во внутренние дела суверенных государств, фактически заложило основу для тех самых гибридных войн. Такой цинизм во многом определил

вектор внешней политики двух предыдущих администраций Белого дома. В совокупности с другими факторами это привело к росту напряженности на международной арене, углубило и без того имеющиеся противоречия между странами.

1 Stone, Jeremy J. *Catalytic Diplomacy: Russia, China, North Korea and Iran*. Charleston: BookSurge Publishing, 2010.

2 Рябинченко А.В. Цифровая дипломатия вчера и сегодня // РСМД, 16 ноября 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/> (дата обращения 10.02.2021).

А с 2017 г. во внешнеполитическом нарративе стала широко употребляться очередная производная идеи Д. Ная, «острая сила» (*sharp power*), предполагающая еще более изощренное манипулирование общественным мнением за рубежом усилиями дипломатов¹. Правда, используется эта категория почему-то в основном применительно к Китаю и России. Хочется надеяться, что новая вашингтонская администрация не продолжит следовать по тому же пути. Но стоит ли после всего этого удивляться разговорам о войне, мире и в конечном счете гибридной дипломатии?

С.М.: Худой мир лучше доброй ссоры. В этом контексте можно вспомнить и слова Н. Макиавелли о том, что войны нельзя избежать, но можно лишь отсрочить к выгоде противника, и формулу мирного сожительства В.И. Ленина, и мысль Р. Арона о солдате и дипломате как основных сменяющих друг друга действующих лицах мировой политики. При этом некоторые авторы придерживаются мнения о том, что раньше грань между этими проявлениями внешней политики была более явной, а дипломатия до того, как к ней подключились новые негосударственные акторы, – более эффективной. Согласны ли Вы с таким утверждением?

Р.Р.: Рассуждения о том, что раньше все было проще, понятнее и, стало быть, в чем-то лучше, на мой взгляд, принципиально неприемлемы. Во время Второй мировой войны, когда солдаты гибли миллионами, а крематории Освенцима и Бухенвальда работали на полную мощность, грань между добром и злом, между миром и войной была четкой и явной. Все было понятно, но эта осознаваемая всеми реальность была пропитана ужасом. Миссия дипломатии состоит в том, чтобы такая трагедия никогда не повторилась.

Как показала практика, перед лицом угроз и вызовов сегодняшнего дня усилий только классических дипломатов, т. е. сотрудников государственных органов внешних сношений, недостаточно, чтобы избежать катастрофы. Данное обстоятельство в известной степени обуславливает и, если угодно, легитимирует развитие так называемой общественной, гражданской, народной дипломатии (при желании синонимичный ряд можно продолжить). В роли участников дипломатических процессов, все чаще становящихся субъектами международных контактов, выступают новые институты, консолидирующие интересы различных социальных групп: делового, академического сообщества, религиозных объединений, наконец, частных лиц. В XXI в. эффективно бороться за мир можно только всем «миром», т. е. родом человеческим. Такая установка находит отражение не только в трудах исследователей, но и в стратегических документах, определяющих политику, в частности, в действующей Концепции внешней политики РФ². Таким образом в миротворческую деятельность активно вовлекается широкий спектр протагонистов, а любой индивид становится не только «сапиенсом», но и, выражаясь фигурально, *homo diplomaticus*.

1 Cristopher Walker, and Jessica Ludwig, "The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence," Foreign Affairs, November 16, 2017, accessed February 10, 2021, <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power>.

2 Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 года // МИД РФ. 1 декабря 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 10.03.2021).

Безусловно, по некоторым вопросам классические и даже секретные дипломатические переговоры способны дать больший результат, чем всеобщий мозговой штурм. Однако обозначенные упрощение и демократизация дипломатии – объективные процессы. По сути, это и представляет собой *modus vivendi* старого и нового, системного и несистемного. Попытки противостоять ему – как с одной, так и с другой стороны – несут в себе риски радикализации соответствующих групп интересов.

С.М.: То, что дипломатия за мир, про мир, о мире, и в нее вовлекается все большее число людей доброй воли, мы уяснили. Но все-таки, если цитировать классика, «вызывает антирес ваш технический прогресс». Общеизвестно, что наряду с развитием высоких технологий он выступает значимым фактором современных международных отношений. Это неоднократно анализировалось экспертами. Однако каким образом данные факторы влияют именно на дипломатические практики в прямом и узком значении этого понятия?

Р.Р.: Возьмем простой, но, с моей точки зрения, важный пример. В статье 36, пункте 2 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. сказано, что «личный багаж дипломатического агента освобождается от досмотра, если нет серьезных оснований предполагать, что он содержит <запрещенные> предметы ...». Далее та же статья гласит, что если все-таки подозрения есть, то «такой досмотр должен производиться только в присутствии дипломатического агента или его уполномоченного представителя»¹.

Когда Конвенция писалась и ратифицировалась, особых сложностей в технической трактовке этого положения не возникало. Сейчас же, когда на государственных границах в условиях перманентной террористической угрозы применяются различные контролирующие устройства – от металлодетекторов и рентгеновских сканеров до тепловизоров и еще более высоких технологий – встает закономерный вопрос о том, является ли их использование по умолчанию нарушением личного иммунитета дипломата или нет. Проще говоря, имеет ли право сотрудник службы безопасности аэропорта или пограничной службы попросить носителя дипломатического паспорта пройти через рамку металлоискателя и проверить его багаж интроскопом. Сразу скажу, что сам, не имея специального юридического образования, неоднократно задавал этот вопрос экспертам по международному праву, как отечественным, так и зарубежным. Однозначного ответа не получил: мнения расходятся.

То же относится и к присутствию дипломатического агента или его полномочного представителя в случае, если досмотр все же будет иметь место. Должно ли присутствие обязательно быть физическим или может быть выбрана опция виртуального (онлайн, например, в режиме видеосвязи) присутствия. Вопрос открытый. Порядок регулирования подобных ситуаций на законодательном уровне пока что не определен.

Развивая тему, вспомним статью 22 той Конвенции, закрепляющую неприкосновенность помещений дипломатического представительства. А как

¹ Венская конвенция о дипломатических сношениях. Принята 18 апреля 1961 года // ООН. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения 10.02.2021).

быть с цифровым сегментом его присутствия в стране пребывания? У каждого российского и у большинства иностранных заграничных учреждений есть аккаунты в социальных сетях. Это эффективный канал медийной политики, инструмент, при помощи которого осуществляется информационно-разъяснительная работа в качестве одной из функций посольства в соответствии со статьей 3 названного документа.

И тем не менее, социальные сети (от уже традиционного *Facebook* до нового *TikTok*) и иные ресурсы (хостинги, облачные хранилища данных и прочее) подчиняются не властям государства пребывания или аккредитующего государства, а частным корпорациям. Недавний резонансный скандал с блокировкой аккаунтов Д. Трампа – первая ласточка. В дальнейшем с таким явлением вполне могут столкнуться и, скорее всего, будут сталкиваться дипломатические органы.

Стратегия и тактика противодействия подобным мерам не так проста, как может показаться на первый взгляд. Хотя с чего начинать – понятно: с обновления законодательной базы и учета в ней новейших реалий дипломатической работы. Обратите внимание, что я говорил сейчас о статьях только одного, при этом ключевого нормативного документа международного дипломатического права.

С.М.: Да, инженеры-технологи, судя по всему, опережают юристов-международников. В результате коллизии налицо. Но предпринимаются или приняты уже какие-либо конкретные шаги по частичному устранению таких коллизий – в частности, российским внешнеполитическим ведомством и профессиональным дипломатическим сообществом?

Р.Р.: Разумеется. На институциональном уровне в конце 2019 г. в МИД России был наконец создан Департамент международной информационной безопасности (ДМИБ). Его возглавляет опытный дипломат-практик А. Крутских, наряду с этим руководящий профильным Центром в МГИМО. Это направление, по-моему, одно из наиболее перспективных применительно к современной дипломатической повестке. Именно от того, насколько быстро и эффективно дипломаты научатся взаимодействовать друг с другом в цифровой среде, во многом будет зависеть международное сотрудничество в различных сферах: от коллективной безопасности до контактов в области науки и технологий, включая вопросы здравоохранения (наиболее актуальный ныне трек – вакцины), переговоров по климату и прочее.

Важную роль, как уже говорил, здесь играют вопросы кибербезопасности. Во время карантинного прошлого года, повлекших за собой переход на дистанционные формы работы, многие участники онлайн-конференций, включая дипломатов, столкнулись с таким банальным явлением, как подключение к ним незваных гостей. Были прецеденты подобных «визитов» и на высоком уровне – скажем, во время переговоров министров обороны ЕС в ноябре 2020 г.¹ В последнем случае речь, судя по всему, шла о примитивном недосмотре со стороны одного из

1 К секретному совещанию министров обороны ЕС подключился чужак // Вести. 20 ноября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2488505> (дата обращения 10.02.2021).

участников собрания, в результате которого любопытному журналисту удалось подобрать пароль. Однако знаменитые хакеры, причем не только русские, тоже не дремлют. Поэтому кибербезопасность занимает все более высокие позиции в списке приоритетов.

С.М.: В условиях продолжающейся пандемии такие значимые международные события, как 75-я сессия Генассамблеи ООН и Давосский форум 2021 г. прошли в режиме онлайн. В связи с этим, допустимо ли на текущем этапе давать предварительные оценки влияния пандемии на дипломатию, и если да, то каковы они могут быть? В свете того, что пандемия обнажила многие слабые стороны международного взаимодействия, уместно ли говорить о ней как о своего рода историческом водоразделе с дипломатией пре- и пост-?

Р.Р.: Пандемия коронавируса выступила мощным катализатором процессов, которые наблюдались в этой области и ранее, однако протекали медленнее. Тот же переход на онлайн – вплоть до открытия виртуальных дипломатических представительств – уже находил не только применение, но и описание в специализированной литературе. Среди прочего, в работах Т. Зоной¹.

Не сказал бы,
что пандемия,
несмотря на свою
беспрецедентность,
привнесла что-то
принципиально новое
в международные
отношения
и, соответственно,
в дипломатию.

Просто раньше инновации вызывали интерес преимущественно у специалистов, в то время как широкая публика, если и узнавала о чем-то подобном, воспринимала это как экзотику. В нынешних условиях за временным отсутствием традиционных альтернатив даже наиболее консервативные и критически настроенные к новшествам участники дипломатических процессов волей-неволей были вынуждены обратить на них внимание.

Те, кто и раньше имел склонность к цифровизации, продолжили двигаться в соответствующем направлении, в известной мере воспользовавшись сложившейся ситуацией. В результате увеличился разрыв технологически продвинутых и, если можно так выразиться, несколько отстающих или запаздывающих в этом отношении. В данном плане дипломатия едва ли отличается от любых других сфер.

Что касается сценариев развития и трансформации дипломатических систем после завершения пандемии, с уверенностью можно сказать одно: полностью к докризисному состоянию они уже не вернутся. Полагаю, однако, что некоторые новшества, принесенные в 2020 г. в дипломатические практики, сохранятся, даже когда в них уже не будет столь острой, как сейчас, необходимости. В частности, цифровые следы. Уж слишком большую экономию ресурсов дает то, что уже с легкой подачи журналистского сообщества окрестили «зумпломатией»². Так что не исключено, что и здесь мы в конечном итоге придем к очередному гибриду.

1 Зонова, Т.В. Дипломатия: модели, формы, методы. – М.: Аспект-Пресс, 2018. – 350 с.

2 Daniel Shapiro, and Daniel Rakov, "Will Zoomplomacy Last?" Foreign Policy, May 18, 2020, accessed February 10, 2021, <https://foreignpolicy.com/2020/05/18/will-zoomplomacy-last/>.

С.М.: Благодарю Вас за обозначенный прогноз. И напоследок вопрос о факторе личности в дипломатии. Есть мнение, что он уже не играет прежней роли. Иначе говоря, дипломатия обезличивается, чему как раз способствуют цифровые платформы, местами позволяющие вуалировать идентичность, местами и вовсе гарантирующие анонимность. Будет ли в новой цифровой среде место великим и ярким дипломатам?

Р.Р.: Думаю, что будет. Мы иногда со студентами проводим упражнения-игры: скажем, Венский конгресс 1814–1815 гг. в чате. И забавно, и дидактически полезно. С аватарками и прочей атрибутикой, из которой они потом делают мемы и «демотиваторы». Талант, как известно, бессмысленно симулировать, но и сложно скрывать. Поэтому в цифровой среде он себя обязательно проявит.

Как таковой фактор личности в дипломатии всегда играл важную роль. Достаточно вспомнить действия русского посла в Лондоне С. Воронцова, которые фактически позволили предотвратить общеевропейскую войну накануне второго раздела Польши. Или исторические достижения князя А. Горчакова, вернувшего России право держать военный флот в Черном море. Говоря о событиях уже XX в., нельзя обойти стороной вклад посла СССР в США А. Добрынина в вывод американских ракет с территории Турции, а также в целом в урегулирование Карибского кризиса.

Эти деятели служат ориентирами для современных дипломатов, равно как и для студентов, которых мы обучаем и которые в дальнейшем хотят попробовать себя на этом поприще. В лучшие свои минуты некоторые из нас ощущают себя будто бы их суммой – но всегда меньшей, чем любой из них в отдельности. Как любят повторять школьные учителя, история не знает сослагательного наклонения. Однако если представить себе альтернативную реальность, думается, что каждый из названных и многих других выдающихся дипломатов был бы, скорее всего, не менее успешен в переговорах в цифровом пространстве, чем в роскошных залах, где проводились живые конференции и решались судьбы мира.

Цитирование

Райнхардт, Р.О. Новые формы и методы дипломатии // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (4). – С. 11–20.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-4-11-20>

Сведения о финансировании

Материал подготовлен в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов или кандидатов наук. Проект «Новые формы и методы дипломатии в условиях пандемии» XI конкурса молодых ученых МГИМО «Научная идея».

For citation

Reinhardt, Roman O. "New Forms and Methods of Diplomacy."
Journal of International Analytics 11, no 4. (2020): 11–20.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-4-11-20>

Funding

The material was prepared under the MGIMO grant for young researchers under the supervision of doctoral or postdoctoral fellows.

The project "New Forms and Methods of Diplomacy under Pandemic Conditions" of the XI MGIMO Young Researchers' Contest "Scientific Idea."